Варя Белова

Улики без инструкции

Варя Белова

Улики без инструкции

«Автор»
2026

Белова В.

Улики без инструкции / В. Белова — «Автор», 2026

Порядок в шкафу — дело техники. А что делать, если в списке лишнего вдруг оказался труп?Софья Белова, хозяйка агентства «Лишнего нет», умеет находить чужие секреты. Правда, иногда вместе с ними находит неприятности: то сама становится подозреваемой в убийстве, то благотворительный вечер заканчивается преступлением, то в мастерской появляются чужие ценности. А на закрытом ужине у каждого гостя оказывается алиби. И кто-то определённо врёт.Четыре самостоятельные детективные истории с юмором, лучшая подруга Катя, любимый Павел и огромный пёс Пуговица, уверенный, что любая тарелка предназначена ему.Это третья книга о Софье Беловой, но читать её можно отдельно. А если захочется познакомиться с героиней поближе — вас ждут «Улики на верхней полке» и «Улики не выбрасывать!».

© Белова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Повесть первая. Уборка с отягчающими 5
Глава 1. Мероприятие для нормальных людей 5
Глава 2. Смерть за перегородкой 10
Глава 3. Я похожа на убийцу? 14
Глава 4. Дверь, которой не было 18
Глава 5. Идеальная деловая партнёрша 21
Глава 6. Лишние тридцать сантиметров 25
Глава 7. Неправильный виновный 28
Глава 8. Кто боялся проверки 31
Глава 9. Прямой путь к убийце 35
Глава 10. Клиент всегда неправ 39
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Варя Белова
Улики без инструкции

Повесть первая. Уборка с отягчающими

Глава 1. Мероприятие для нормальных людей

Приглашение обещало «вечер осознанного потребления с элементами полезного общения». Я перечитала формулировку, пытаясь понять, что организаторы собираются потреблять и почему общаться придётся с элементами. Катя заглянула через моё плечо:

— А полезное общение там по записи или хватит живой очереди?

Мы сидели у меня на кухне. За окном январский снег раскисал под колёсами машин. Пуговица занял половину прохода и следил за ножом в руке Павла: нож двигался над сыром, а значит, рано или поздно должен был оказаться полезным и собаке.

— Я иду работать, — напомнила я. — Двадцать минут расскажу, как готовить квартиру к переезду, отвечу на вопросы и вернусь домой.

— Хорошо платят?

— Прилично.

— Уже подозрительно. Обычно за приличные деньги просят что-нибудь, о чём потом неловко рассказывать.

Павел переложил сыр на тарелку. Пуговица проводил его взглядом, полным разочарования в человеческих договорённостях.

— Ты ведь договор смотрела? — спросил Павел.

— Дважды. Я должна выступить как приглашённый специалист. Никаких эксклюзивных партнёрств, продвижения неизвестных товаров и фотографий с подписью «Софья Белова рекомендует».

— Звучит так, будто неприятности уже были, — заметила Катя.

— Неприятности были у фирмы, которая из моих слов «старое кресло иногда можно починить» сделала рекламу своих кресел из картона за сто тысяч.

Катя засмеялась. Павел достал из кармана ключи.

— Сегодня поздно освобожусь. Если что, звони.

— «Если что» — это если меня заставят сортировать чужие ботинки на скорость?

— Это если перестанешь шутить, а станет действительно неприятно.

Он сказал это спокойно. Мы с Павлом давно перестали проверять друг друга на смелость: если становилось тревожно, можно было просто позвонить.

Когда он ушёл, Катя задержалась у двери.

— Сонь, а про Новый год вы договорились?

— Мы его уже встретили, если ты не заметила.

— Я о следующем. У вас с Павлом планы теперь на годы вперёд или только до субботы?

— На субботу точно есть. Надо купить Пуговице новый поводок.

— Романтика взрослеет, — заключила Катя и убежала на работу в клинику.

К вечеру я приехала в интерьерную студию «Второй круг» на первом этаже бывшего производственного корпуса. Снаружи — красный кирпич, мокрый снег и двор с грузовыми воротами. Внутри старым вещам назначали новую цену: потёртый шкаф назывался арт-объектом, ящики — журнальным столом, а списанные металлические дверцы под табличкой «Память материала» обрели право больше никогда ничего не закрывать.

Я невольно прикинула, сколько за такую память просят.

— Софья Андреевна? — Навстречу поспешил худощавый молодой человек в тёмно-зелёном свитере. На шее у него висел бейдж с надписью «АРСЕНИЙ. ОРГАНИЗАЦИЯ». — Я Арсений Гущин. Огромное спасибо, что согласились. У нас сегодня небольшой пожар.

Я взглянула на исправные светильники.

— В переносном смысле, надеюсь?

— Конечно. Наших технических партнёров задержали на разгрузке, и стенд немного… меняет конфигурацию.

«Немного» растянулось метра на три.

В глубине зала двое рабочих под руководством крупного мужчины с серебристой щетиной переставляли высокую серую перегородку на колёсных опорах. Пол был защищён лентой, но вдоль одной линии уже тянулась свежая чёрная полоса от резинового колеса. За перегородкой виднелись кабели, лестница и обрезанные упаковочные ремни.

— Тормоз затяни, — сказал мужчина одному из рабочих. — Не на себя. От себя. Мы здесь стены ставим, а не шкафы роняем.

Потом обернулся к Арсению:

— Гости через двадцать минут. Нечего им показывать техническую кухню.

— Григорий Серов, наш монтажный руководитель, — поспешно представил Арсений. — А это Софья Белова.

Серов окинул меня взглядом — от ботинок до папки с программой, которую держал Арсений. На имени моей фирмы он задержался на секунду.

— К десяти вечера здесь всё будет в первоначальном виде, — сказал он. — Разобрать экспозицию легче, чем объяснить, зачем её собирали.

Он говорил тоном человека, которому приходится отвечать за всё, что остальные считают красивой идеей.

Арсений повёл меня мимо длинного стола с чашками. За частью серых выставочных панелей устроили комнату для выступающих: обычная на вид дверь с матовым стеклом, табличка «РЕЗЕРВ». Напротив висела маленькая камера. За стойкой регистрации девушка расставляла карточки с фамилиями.

— Здесь можно оставить пальто, — сказал Арсений. — Ваши тезисы я распечатал, только забыл один комплект в резерве. Принесу перед выходом.

— Пожалуйста, не забудьте и микрофон. Без него я, конечно, тоже могу говорить, но соседним мастерским вряд ли понравится.

— Всё будет! — пообещал он с той отчаянной уверенностью, с какой люди обычно обещают то, за что не отвечают.

В эту минуту в зал вошла женщина лет сорока пяти, в строгом светлом костюме и с волосами, убранными в гладкий узел. Она остановилась у стойки, посмотрела на часы и тихо сказала Арсению:

— Денис просил заменить вступительный слайд. Почему на экране старый?

— Вера Ильинична, мы сейчас…

— «Сейчас» было сорок минут назад.

Она повернулась ко мне, словно щёлкнула внутренним переключателем, и улыбнулась:

— Софья Андреевна, рада знакомству. Вера Левина. Я занимаюсь финансами и партнёрами. Спасибо, что приехали. Ваш практический взгляд нам очень нужен.

Рукопожатие оказалось сухим и крепким. Вера умела приветствовать человека, не обнаруживая ни радости, ни неприязни.

Пока Арсений перезагружал презентацию, я изучала зал. У окна стояла витрина с полками из старых досок. Рядом за шнуром красовалось кресло из автомобильных ремней. У стены — узкий шкаф и ряд высоких серых панелей на опорах. Они не доходили до потолка;

над верхним краем виднелась чёрная вентиляционная труба. На боковине одной панели желтел маленький треугольник, похожий на монтажную метку. Я замечала такие знаки на складах: они нужны, чтобы после перестановки вернуть оборудование на место.

— Нравится? — спросил мужчина за спиной.

Высокий мужчина в дорогом пиджаке. Для января — удивительно загорелый. Улыбка у него появилась на лице раньше, чем он подошёл.

— Денис Ракитин, — представился он. — Автор идеи «Второго круга». Рад, что вы с нами.

— Я тоже. Особенно если тезисы моего выступления доживут до начала.

— Доживут. У нас сегодня всё про вторую жизнь. Даже ошибки.

Денис произнёс это небрежно. Вера, проходившая мимо, взглянула на него так быстро, что другой мог бы не заметить. Я заметила.

У стойки вспыхнула вспышка. Молодая женщина с короткими рыжими волосами снимала помещение, двигаясь спиной вперёд.

— Лиза, пожалуйста, без служебной зоны, — сказал Серов.

— Я снимаю гостей, Григорий Борисович.

— Тогда снимайте гостей. Кабели на обложке журнала нам не нужны.

Лиза опустила аппарат и закатила глаза. Серов уже проверял стопоры панели возле узкого шкафа, хотя один из рабочих уверял, что всё закреплено.

— После открытия ничего не катать, — предупредил Серов Арсения, заметив его возле мобильного стеллажа. — Если доставщикам не хватит места, пускай носят коробки руками.

Арсений кивнул, но уже смотрел на часы. Я отнесла эту перепалку к вечной войне организаторов и техников. Во время чужих мероприятий она обычно начинается ещё до первого гостя.

Начало задержалось на десять минут. Гости снимали интерьер, ведущий шутил о расставании с ненужным, а я прикидывала, смогу ли уйти сразу после своего выступления. Павел обещал к вечеру вернуться домой; хотелось успеть к ужину.

На втором слайде появилась фотография моей команды в квартире после переезда. Снимок я предоставила для анонса собственного выступления. Под ним красовалась надпись: «ПАРТНЁР ПРОГРАММЫ — АГЕНТСТВО „ЛИШНЕГО НЕТ“».

Я перестала слушать ведущего.

Денис поднялся на небольшую сцену и заговорил о том, что студия гарантирует ответственное происхождение всех материалов. После чего пригласил меня «как представителя организации, полностью разделяющей наши стандарты».

Вот здесь и возникла проблема. Я не проверяла его стандарты. И уж точно не собиралась обещать это залу.

Я взяла микрофон.

— Добрый вечер. Прежде чем рассказывать о старых вещах, уточню одну новую: моё агентство здесь приглашённый участник, а не партнёр программы. Я не проводила экспертизу изделий студии и не могу подтверждать сведения об их происхождении.

Несколько человек оторвались от телефонов. Денис улыбнулся, но только губами.

— Конечно, Софья Андреевна. Небольшая неточность в презентации.

— Лучше исправить её сейчас, — сказала я. — А то потом приходится долго объяснять, почему фотографии живут отдельной от их владельцев жизнью.

Вера уже что-то быстро набирала Арсению. Тот поспешил к компьютеру.

Я всё-таки провела выступление. Объяснила, как разбирать вещи перед переездом, почему письма и фотографии нельзя без спроса отправлять в мусор и как отличить память о человеке от привычки хранить его сломанный утюг. Гости задавали хорошие вопросы. Один

мужчина просил убедить его жену выбросить коллекцию пустых цветочных горшков. Я предложила сначала спросить жену, куда она собирается сажать растения.

Казалось, вечер налаживается.

Когда я сошла со сцены, Денис ждал возле столика с водой.

— Можно на минуту? — спросил он.

Денис продолжал улыбаться. Но теперь стало видно, как много усилий это ему стоит.

— Вы могли сказать мне заранее, что вас смущает слайд.

— Узнала о нём одновременно с публикой.

— Не стоило выносить вопрос на сцену.

— Не стоило выносить мой логотип без согласования.

У Дениса дёрнулась скула.

— Мы ведь взрослые люди, — произнёс он. — Не обязательно превращать каждую неточность в обвинение.

— Тогда исправим неточность и забудем.

— Для вас всё просто, потому что вам не нужно отвечать за большую команду.

За его плечом стояла Вера; она явно слышала последнюю реплику и не спешила приходить партнёру на помощь.

— Команда, — ответила я, — обычно только выигрывает, когда руководитель не придумывает за неё обещаний.

Арсений появился с моей папкой и встал рядом, не решаясь вмешаться.

— Поговорим позже, — бросил Денис и ушёл к служебной двери.

— Софья Андреевна, простите, — прошептал Арсений. — Я не знал, что слайд поменяют. Мне прислали его только сегодня.

— Вы сейчас ни в чём не виноваты. Я заберу бумаги и пойду домой.

— Там ещё комплект из резервной комнаты. И лист с вопросами от гостей. Я положил всё на столик у двери, вы можете сами забрать? Меня опять зовут к экрану.

Я кивнула. Было без четверти семь.

Дверь с матовым стеклом стояла чуть приоткрытой. Изнутри донёсся голос Дениса:

— Нет. Сегодня. Я не собираюсь ещё неделю ждать.

Я остановилась у порога. Денис говорил по телефону короткими, жёсткими фразами; от любезного хозяина вечера не осталось ничего.

— Мне плевать, как ты это объяснишь. После сегодняшнего разговора всё изменилось.

Я постучала.

Денис повернулся ко мне с прозрачной папкой в руке. На её уголке белел залом. Он одним движением задвинул папку под журнал.

— Что вам нужно?

— Арсений оставил мои распечатки.

— Забирайте.

Возле распечаток лежали два запечатанных конверта и металлический крепёжный зажим — тяжёлый, тёмно-серый, с короткой рукояткой. Я видела подобные детали при разборе торговых павильонов. Среди конвертов и листов он выглядел чужим. Денис отвёл телефон от уха, не прерывая разговора, и повернулся к окну.

На ребре зажима что-то светлело — потёртость или полоска краски. Я не присматривалась: Денис разговаривал так, что рядом с ним хотелось поскорее закончить свои дела.

Я забрала распечатки и вышла. Дверь тихо притворилась за мной.

За моей спиной хлопнула не дверь, а мягкий доводчик. Над косяком напротив мигал красный индикатор камеры.

Я заметила его только потому, что в сумке зазвонил мой телефон. Это был Павел.

— Ну как полезное общение? — спросил он.

— Почти закончила. Один человек сделал вид, что мы партнёры, а я сделала вид, что он допустил случайную ошибку.

— Договорились?

— Вряд ли он считает нас друзьями.

— Тебя забрать?

— Нет, отсюда до метро десять минут. Выпью воды и пойду.

— Тогда увидимся дома.

Я успела улыбнуться его обычному «дома». Павел ещё не переехал ко мне, но это слово мы уже употребляли без осторожных пояснений.

Через двадцать минут кто-то закричал в глубине зала.

Глава 2. Смерть за перегородкой

Первый крик я приняла за часть программы.

Со сцены как раз показывали, как превратить старый чемодан в журнальный столик. Я собиралась спросить, что делать с вещами из чемодана, когда из глубины зала донеслось:

— Позовите кого-нибудь! Скорее!

Микрофон резко пискнул. Гости обернулись. Из-за серых панелей выбежал Арсений: на зелёном свитере темнело мокрое пятно, бейдж сбился набок.

— Денису плохо. Он… Он лежит там.

Вера первой бросилась к служебной двери. Серов шагнул следом, но задержался и резко велел гостям не подходить.

Я поставила стакан. Возле гардероба кто-то уже набирал номер экстренной службы; несколько человек по привычке потянулись к дверям, будто случилась не беда, а задержка мероприятия.

— Вызвали? — спросила я Арсения.

Он мотнул головой.

— Вызывайте сейчас. Сто двенадцать. Скажите адрес, что человек без сознания, возможная травма. И не кладите трубку.

Мне не хотелось командовать. Но Арсений смотрел на меня так, словно без чужого распоряжения уже не сможет сделать ни шага.

Вера распахнула дверь комнаты «РЕЗЕРВ».

— Денис!

Её голос оборвался так внезапно, что стало понятно: за дверью не просто обморок.

Я подошла ближе, не переступая порога. За плечом Веры виднелись край светлого ковра, перевёрнутый стул и мужская рука у ножки стола. На запястье темнели широкие часы. Ещё недавно Денис, смеясь, показывал их гостям.

Вера нагнулась, потом резко выпрямилась. Серов уже стоял у неё за спиной.

— Не трогайте ничего, — резко сказал Серов тем, кто пытался заглянуть в комнату. Вера тем временем отвечала диспетчеру скорой: называла адрес, состояние Дениса, слушала дальнейшие указания. Серов отступил, освобождая проход.

Мне запомнилась его фраза. Не потому, что она была неправильной: вокруг действительно столпились посторонние. Просто Серов произнёс её раньше, чем кто-либо успел понять, требуется ли ещё помощь.

От двери все отступили. Медики получат доступ сразу, подумала я, не зная ещё, что запоминать мне придётся совсем другое: кто куда входил и кто через какую дверь выходил.

— Я звоню в полицию, — сказала Лиза за моей спиной. — Уже звоню.

Арсений всхлипнул. Никаких красивых сцен не было. Одни люди неловко отступали, другие смотрели на пол, третьи пытались пройти ближе, потому что не верили, что остановившийся вечер имеет к ним отношение.

Медики приехали быстро. Их пропустили через грузовые ворота во двор, потом провели к служебной комнате. Спустя несколько минут один из них вышел поговорить с Арсением. Тот кивнул, прижал ладонь ко рту и пошёл к стойке регистрации.

По лицу Арсения я поняла то, чего медики пока не произнесли вслух: Дениса не удалось спасти.

Я отошла к окну. На улице дворник толкал снег к решётке ливнёвки и сердился на него без всякой пользы. В зале пахло кофе, мокрой шерстью пальто и свежей древесиной. От этой обычности происходящее казалось особенно неправильным.

Через некоторое время приехали сотрудники полиции, а затем следователь и криминалист. Гостей попросили остаться до первичного опроса. У стойки выдавали воду, но почти никто не пил.

Следователь представился Сергеем Валерьевичем Платоновым. Невысокий, с уставшим лицом человека, который давно отказался ожидать от дежурства спокойного вечера. Он говорил негромко и не торопил собеседников.

— Вы обнаружили потерпевшего? — спросил он у Арсения.

— Да. Я пришёл его искать. Открыл дверь, увидел на полу и побежал звать на помощь. Вера Ильинична подошла после меня.

— По порядку, — остановил его Платонов. — Когда вы подошли к комнате?

Арсений посмотрел на часы и растерялся.

— Я не знаю. Было около семи. Может, позже.

— У нас есть запись программы, — сказала Вера. — Можно установить время. Сначала закончили выступления, потом началась демонстрация чемодана.

Платонов кивнул и попросил показать ему камеры. Арсений повёл его к маленькому кабинету за регистрацией. Серов остался около перегородки. Он держал руки скрещёнными на груди и глядел на людей так, будто каждый мог по неосторожности сломать ещё один дорогостоящий стенд.

Мне хотелось верить, что среди этих людей я просто приглашённый специалист. Соседка в клетчатом пальто быстро исправила мою ошибку.

— Вы с ним ссорились, — произнесла женщина в клетчатом пальто. Рядом с ней стоял муж и возился с застёжкой шарфа.

— Мы обсуждали использование моего логотипа.

— Я слышала, как он сказал вам «поговорим позже».

— Это действительно было.

Женщина поджала губы.

— Вот видите.

Она отвернулась к мужу, не объяснив, что именно доказала.

Лиза подошла ко мне с фотоаппаратом в руках.

— Не обращайте внимания, — шепнула она. — Людям нужно прямо сейчас выбрать виноватого. Иначе им придётся признать, что всё случилось у них под носом.

— Вы фотографировали Дениса после моего выступления?

— Весь вечер снимала. Платонов попросил ничего не удалять. Я и не собиралась.

Она посмотрела на дверь комнаты, где работали специалисты.

— Вы знали его давно? — спросила я.

— Два года. Для красивой картинки он был прекрасным заказчиком. Для всего остального — по настроению.

В её голосе не было злобы. Скорее привычная профессиональная усталость.

Мою фамилию назвали минут через сорок. Платонов говорил со мной в небольшом помещении рядом с гардеробом; дверь оставалась открытой. Сначала уточнил паспортные данные и попросил рассказать, как я оказалась на мероприятии.

Я рассказала о договоре, слайде, выступлении и неприятном разговоре у стола с водой.

— После этого вы заходили в резервную комнату? — спросил он.

— Да. Забрать распечатки.

— Кто там находился?

— Денис Ракитин. Он говорил по телефону.

— Вы можете назвать время?

Я посмотрела на экран своего телефона. Журнал вызовов сохранил входящий звонок от Павла в восемнадцать сорок восемь.

— Я уже вышла из комнаты, когда он позвонил. Значит, заходила несколькими минутами раньше.

— Вы уверены, что Ракитин был жив, когда вы уходили?

Вопрос показался странным лишь на одно мгновение.

— Говорил по телефону. Сердился. Да, уверена.

Платонов не улыбнулся. Он отметил что-то в блокноте.

— Вы касались его вещей?

— Забрала свою бумагу. Больше ничего.

— Какие предметы вы видели на столе?

Я перечислила конверты, журнал, прозрачную папку и металлический зажим. Последний запомнила потому, что он лежал среди бумаг. Но какие на нём были выступы и крепления, объяснить не сумела.

— В том, что предмет был на столе, я уверена, — уточнила я. — А вот форму видела мельком. Похоже на монтажный крепёж, такие попадаются в торговых павильонах.

— Вы говорили с Ракитиным в комнате?

— Только о распечатках. Он был занят телефонным разговором.

— Номер собеседника видели?

— Нет. И голос из телефона не слышала.

Платонов записал. Потом спросил:

— Почему вы обратили внимание на камеру напротив двери?

— Она мигнула, когда я вышла. Я говорила по телефону и стояла прямо перед ней.

— Понятно.

Он на секунду умолк. На стене висел плакат «Вещам нужна новая история». Впервые за вечер мне захотелось убрать его с глаз долой.

— Сейчас прошу вас оставаться на связи и по возможности не уходить, пока мы не закончим первичные уточнения.

— Но вы меня не задерживаете?

— Нет. В процессуальном смысле вы сейчас не задержаны. Если возникнет необходимость, вас пригласят дополнительно.

В коридоре Арсений спорил с Григорием Серовым. Молодой человек говорил очень тихо, но одно слово я расслышала:

— Переставили.

— Не здесь, — отрезал Серов.

Они заметили меня и замолчали.

Через полчаса Платонов вернулся с листом бумаги. Его лицо стало ещё более усталым.

— Софья Андреевна, я уточню один момент. С камерой в коридоре всё в порядке. На ней видно, что потерпевший входит в комнату, потом туда заходите вы. После вашего выхода дверь больше никто не открывает до обнаружения тела.

— Значит, через эту дверь никто больше не входил, — сказала я. Собственный голос прозвучал слишком уверенно.

— Это один из вопросов, на который предстоит ответить.

Я ждала продолжения. Оно последовало.

— На данный момент вы последняя из тех, чьё посещение этой комнаты зафиксировано.

Пальцы похолодели. Поездка за забытыми распечатками вдруг стала главным событием вечера. И я не понимала, как объяснить её лучше, чем уже объяснила.

— Но он был жив, когда я вышла, — сказала я.

— Ваши слова мы проверим.

Платонов говорил совершенно спокойно. Именно поэтому я и поверила: в ближайшие дни ничего спокойного у меня не будет.

Домой я вернулась после десяти. Пуговица долго обнюхивал рукав моего пальто, словно искал на нём объяснение задержке. Павел ждал на кухне. Увидев меня, отодвинул чашку и встал.

— Мне звонили из студии, — сказала я вместо приветствия. — Там убили человека.

Он подошёл ближе, но не обнял сразу.

— Ты в порядке?

Я кивнула. Потом зачем-то положила распечатки на тумбочку.

— Похоже, следователь считает, что я последняя, кто видел его живым.

— Это не то же самое, что считать тебя виновной.

— Знаю.

— Тебя официально в чём-то обвиняют?

— Нет. Взяли объяснения, записали контакты. Возможно, позовут ещё.

Павел обнял меня за плечи. Я уткнулась лбом ему в грудь и наконец позволила себе немного дрожать.

— Я не имею доступа к чужому делу и не собираюсь его добиваться, — сказал Павел. — Но если тебе понадобится адвокат, я помогу его найти. А если просто кто-то, кто посидит рядом, — я уже здесь.

— Мне пока нужен человек, который поставит чайник.

— Уже.

Пуговица тяжело вздохнул у моей ноги. Он ничего не знал о камерах и показаниях, зато совершенно точно знал: мы вернулись домой. От этого почему-то стало легче.

Глава 3. Я похожа на убийцу?

Утром мне показалось, что весь город решил обсудить человека, которого я едва знала. В действительности обсуждали не его, а восьмисекундное видео со мной.

Первым позвонил клиент, с которым мы должны были разбирать кладовую в субботу. Сначала спросил о самочувствии, затем сообщил, что «в связи с обстоятельствами» переносит работу. Слово «обстоятельства» он повторил трижды, не назвав ни одного.

Потом написала бывшая заказчица: «Сонечка, увидела в интернете. Ужас! Держитесь!» К сообщению прилагалась ссылка на короткое видео с мероприятия.

На экране я стояла с микрофоном и говорила: «Я не могу подтверждать сведения об их происхождении». Монтаж обрезал моё пояснение про статус приглашённого участника и почти весь ответ Дениса. Подпись гласила: «Последний публичный конфликт перед трагедией».

Я выключила ролик после второго просмотра. Он был снят в том же зале, где я находилась, но в нём не осталось почти ничего из того, что происходило на самом деле.

Катя приехала без предупреждения. В одной руке — бумажный пакет, в другой — телефон. По тому, как она не сняла пальто у порога, я поняла: сначала будет разговор.

— Я видела ролик, — сказала она с порога. — Если ты убийца, то я балерина Большого театра.

— Вот это как раз не очень убедительно. Ты два года ходила на растяжку.

— Три месяца. А потом я растянула связку. Соня, не увиливай.

Она прошла на кухню, поставила пакет на стол и достала два пирожка с капустой.

— Никаких расследований на голодный желудок, — объявила Катя.

— Я пока ничего не расследую.

— Вот и прекрасно. Тогда позавтракаем как нормальные подозреваемые.

— Ты не подозреваемая.

— Мне за тебя обидно. Разреши хотя бы позавтракать с подозреваемой.

Пуговица появился из спальни с таким видом, будто лично пригласил Катю и теперь ожидает благодарности. Она почесала его за ухом, потом протянула мне телефон.

— Здесь есть ещё один ролик. Полный, на восемь минут. Его выложила фотограф Лиза Костина. Ты на нём говоришь совершенно нормально, и Денис улыбается. Я отправила ссылку тем, кто начал мне писать с вопросами.

— Не надо всем отвечать.

— Я не всем. Только тем, у кого особенно богатое воображение.

— Катя.

Она посмотрела на меня поверх чашки.

— Ладно. Перестану.

Я знала, какого труда ей стоило не отвечать всем подряд.

— Я сегодня не на выезде, — сказала Катя, снимая наконец пальто. — Но зубы, к сожалению, сами себя не полечат. К двум мне в клинику. Давай решим, что из этого ты действительно можешь сделать сейчас.

Павел уехал рано. Под сахарницей лежала записка: «Соня, ничего не доказывай комментариям. Позвони, если нужен буду. П.» Я несколько раз подержала её в руках и убрала в ящик с важными бумагами. Рядом, к собственному удивлению, обнаружила квитанцию за новую шлейку Пуговицы.

— Как он? — спросила Катя, заметив бумажку.

— Ведёт себя разумнее всех нас.

— Он всегда так выглядит. Это профессиональная маскировка.

Я объяснила Кате, что следователь Платонов задал обычные вопросы, а последнюю фразу про камеру не следует превращать в обвинение. Она слушала внимательно, не перебивала. Это было непривычно и потому несколько настораживало.

— Ты уверена, что камера видела все входы в помещение?

— Платонов сказал — дверь в комнате никто не открывал.

— Я спросила другое.

Я посмотрела на неё.

— Я знаю только об одной обычной двери.

— Обычная — это замечательно. Но я тебя знаю. Ты могла заметить ещё что-нибудь и не понять, что это важно.

— Ты сейчас предлагаешь мне вспомнить устройство всех стен в помещении, куда я зашла на полторы минуты?

— Я предлагаю тебе не делать за следователя вывод, будто ты единственная, кто мог туда попасть.

Возразить было нечего. И меня раздражало, что Катя права.

После завтрака Катя уехала в клинику, а я открыла рабочий ежедневник. На странице с выставкой значилось: «17:30. Выступление. Договор, визитки, рекламный стенд». Стенд в студии остался: Арсений обещал вернуть его курьером. Я позвонила помощнице Марине, попросила пока не планировать доставку и получила в ответ короткое: «Я уже убрала эту дату. Клиент с кладовой тоже перенёс».

Почти сразу позвонила Вера Левина.

— Софья Андреевна, добрый день, — сказала она почти тем же голосом, что накануне приветствовала гостей. — Мне неловко беспокоить вас, но мне сообщили о публикациях. Со стороны студии мы готовим официальное заявление. Хотели бы попросить вас пока не комментировать обстоятельства вечера.

— Я их и не комментирую.

— Прекрасно. Денис был сложным человеком, но ничего подобного никто не ожидал.

Меня кольнула её ровность. А затем стало стыдно за это наблюдение: никакой обязанности скорбеть на публике у Веры не было.

— Полиции я рассказала всё, что знаю, — сказала я.

— Это понятно. И ещё: в сети почему-то пишут, что он угрожал вам на сцене. Это неправда.

— Он мне не угрожал.

Вера помолчала.

— Спасибо. Буду признательна, если вы сможете это подтвердить при необходимости.

Она уже собиралась попрощаться, но я спросила:

— Вчера вы были рядом, когда Денис говорил со мной после выступления. Он часто так раздражался из-за замечаний?

— Денис тяжело переносил, когда что-то шло не по плану. В последние дни у него были… деловые трудности.

— Какие?

— Извините, это внутренние дела компании. Следователю я всё объяснила.

Она попрощалась.

Слово «трудности» могло означать всё что угодно — от просроченного счёта до банкротства. Строить на нём версию убийства было бессмысленно.

Зато я могла проверить дела своей фирмы. На сайте появились два запроса, постоянная клиентка подтвердила пятничную встречу. Но в календаре уже зияло освободившееся окно, и закрывать его словами «ничего страшного» я не собиралась.

Я открыла папку с договорами. Там всё ещё лежал утверждённый график работ: две бригады, машина, аренда контейнера. Даже перенос одного заказа тянул за собой расходы. Интернету было легко называть это «неприятным эпизодом». У водителя и моей помощницы такой статьи расходов не существовало.

Около двух часов позвонил Арсений.

— Софья Андреевна, я должен извиниться за вчерашний слайд. Мне с самого начала сказали, что вы партнёр. Я даже в договор не заглянул.

— Арсений, это не ваша главная проблема сейчас.

— Да. Конечно. Просто… — Он запнулся. — Вы помните, я после вашего выступления отправил вас за бумагами в резервную комнату?

— Помню.

— Я уже сказал следователю. Боюсь, все думают, будто вы туда сами зачем-то пошли.

— Спасибо, что уточнили. А почему вы попросили меня забрать бумаги, если комната была занята Денисом?

— Я не знал, что он там. Обычно он пользуется кабинетом у входа. А вчера сказал, что там нельзя разговаривать: слишком шумно.

— И он сам взял ключ от резерва?

— Ключ оставили в замке с утра, пока заносили оборудование. Потом кто-то убрал. Я не знаю кто.

Я замолчала. Накануне комната показалась мне обычной. Не было ощущения запертости или таинственности. Я вошла, взяла бумагу и вышла. Но слова «ключ оставили в замке» почему-то зацепили память.

— Там две комнаты рядом? — спросила я.

— Резерв и техническая ниша. Ниша не комната, туда провода идут. Григорий Борисович придумал спрятать её за стендами, чтобы не портить вид.

— Можно пройти из ниши в резерв?

— Вроде нет. Там панели. Я в них не разбираюсь.

Он поспешил добавить, что Платонову уже рассказал обо всём, что мог вспомнить. Я попросила передать следователю и этот разговор, если на опросе Арсений забыл упомянуть техническую нишу. Он обещал.

После звонка я не стала бросаться на место преступления. Мне хватало здравого смысла понять: если полиция осматривает помещение, её работа важнее моей любознательности.

Но на сайте студии оставались фотографии экспозиции. Я открыла страницу мероприятия. На одном снимке серые панели стояли поперёк зала. На другом, сделанном, судя по людям в кадре, уже после начала вечера, узкий шкаф оказался сдвинут ближе к окну.

На выставках постоянно меняют расстановку: мешает проходу шкаф — его отодвигают, не хватает места гостям — убирают ширму. Только мне не давали покоя жёлтая метка и тёмная полоса от колеса на полу.

Оба снимка были сделаны с разных ракурсов. Я не могла утверждать, что они доказывают хоть что-то. И всё же мне захотелось нарисовать план.

Я достала чистый лист, начертила прямоугольник главного зала, дверь с матовым стеклом, стойку регистрации и заднюю стену. Слева обозначила окно, справа — техническую нишу, о которой рассказал Арсений.

Ни настоящих стен, ни точных размеров я не знала. На схеме поэтому было больше вопросительных знаков, чем дверей.

Пуговица устроился возле ноги, не проявив уважения к моим архитектурным изысканиям.

— Не волнуйся, — сказала я. — Мы ничего не расследуем. Просто выясняем, где стоял шкаф.

Это было почти правдой.

Я увеличила фотографию. В зеркальной поверхности выставочного столика отражалась часть задней стены: серый щит, край тёмной трубы, жёлтый треугольник. На другом снимке треугольник располагался гораздо ближе к двери.

Получалось, один и тот же участок стены в разных кадрах находился на разном расстоянии от неподвижных предметов. Сама стена стоять на месте не могла.

Я провела на плане ещё одну линию. Между рядами панелей образовалась узкая полоса — возможно, достаточная для человека, знающего дорогу. Впервые за сутки я думала не о том, что обо мне пишут, а о том, что видела собственными глазами.

Но был ли за панелями настоящий проход, я пока только гадала.

Глава 4. Дверь, которой не было

С невидимой дверью есть одна беда: показать её на бумаге намного проще, чем убедить другого человека, что она существует.

На моём рисунке подозрительная полоска выглядела убедительно. Я даже обвела её красной ручкой. Но если бы кто-то попросил назвать размеры, пришлось бы признаться: они взяты из памяти, двух фотографий и упрямства.

Пуговица положил морду на край стола. Лист немедленно приобрёл дополнительную складку.

— Это не улика, — сказала я. — Это предположение.

Пёс вздохнул и ушёл к миске. Он плохо относился к занятиям, которые не давали быстрых результатов.

Я сфотографировала план и нашла номер Лизы Костиной. На выставке она обещала прислать снимки моего выступления; тогда я просила выбрать те, где у меня не открыт рот. Теперь меня интересовало только то, что находилось у меня за спиной.

Лиза ответила не сразу.

— Софья Андреевна? Если вы про видео, я уже выложила полную запись. И следователю передала оригинал.

— Спасибо. Я по другому поводу. Вы снимали помещение до начала вечера?

— Конечно. За это мне, собственно, и платили.

— Не могли бы вы посмотреть, попадала ли в кадр серая перегородка рядом с комнатой для выступающих? Особенно место с жёлтым треугольником.

На том конце помолчали.

— Вы тоже обратили внимание?

— На что именно?

— Серов не разрешал снимать за перегородкой. Я думала, там просто прячут кабели и упаковку. Теперь всё время возвращаюсь к этому запрету.

Она не рассмеялась. Я тоже.

— Исходники я передала полиции и сохранила у себя. Могу показать кадры, которые снимала для заказчика, — сказала Лиза. — Только без публикаций и окончательных выводов, ладно?

— Меня сейчас меньше всего интересуют публикации.

Мы договорились встретиться на следующий день в кофейне возле её редакции. Лиза работала на себя и снимала для нескольких городских изданий. Встреча подходила ей между двумя заказами; мне же пришлось передвинуть одно рабочее совещание.

Потом я долго смотрела на свой ежедневник. В нём всё ещё было записано «Второй круг — забрать стенд», как будто речь шла об опоздавшем курьере, а не об убитом человеке.

Вечером Павел принёс ужин из кафе. Два контейнера стояли на столе, как варианты ответа в тесте, к которому никто не успел подготовиться.

— Выбирай: рис с овощами или что-то, в названии чего я не уверен.

— Ты удивительно заботлив, когда не знаешь состав блюда.

— В кафе уверяли, что второе без острого. Пуговице всё равно нельзя.

За ужином Павел рассказал, как на совещании коллега отправил всем приглашение на уже прошедшую дату. Я слушала вполуха. В голове у меня по-прежнему перемещалась серая стена.

— У тебя такой вид, будто ты переставляешь мебель, — сказал Павел.

— В голове. Пока бесплатно.

Я показала ему план. Он внимательно посмотрел и вернул лист.

— Ты сообщила Платонову об этих фотографиях?

— Нет. Пока у меня просто разные ракурсы и предположение.

— Предположение можно сообщить как предположение. Не надо выдавать его за доказательство.

— Я и не собиралась.

— И в студию сама не ходи. Там по-прежнему работают специалисты.

— Павел, я не собираюсь влезать через грузовые ворота.

— За способность вовремя остановиться я тебя и люблю, — сказал он, не отрываясь от тарелки.

Я посмотрела на него. Слова прозвучали так буднично, что захотелось удостовериться: он действительно произнёс их вслух.

— Это сомнительный критерий любви, — наконец ответила я.

— У меня есть и другие.

Он коснулся моей руки. Мы больше не обсуждали схему до конца ужина.

* * *

Утром Платонов пригласил меня дать дополнительные объяснения. Он попросил взять телефон с журналом вызовов и перепиской со студией. О новых подозрениях не говорил.

В отделе пахло мокрыми куртками и крепким кофе. В коридоре пожилая женщина безуспешно объясняла терминалу, что талон ей нужен сейчас, а не на завтра. Я поймала себя на желании помочь ей — и осталась сидеть. Кажется, у каждого человека был свой непослушный аппарат.

— Вы вчера разговаривали с Гущиным? — спросил он после обычных уточнений.

— Да. Он позвонил извиниться за ошибку в презентации. И рассказал о технической нише.

— Что вы ему ответили?

Я пересказала наш разговор, стараясь отделить услышанное от собственных догадок. Следователь записал время звонка и спросил, сохранилась ли переписка со студией. Я показала переписку с Арсением о распечатках и пересылку программы мероприятия.

— А вот это я нарисовала сама, — сказала я, когда он закончил. — План очень приблизительный.

Платонов долго рассматривал лист. От этого мои красные линии казались ещё менее надёжными.

— Вы считаете, здесь был проход?

— Я считаю, что могла неправильно понять, где заканчивается настоящая стена. В первый раз увидела помещение, когда рабочие ещё двигали панели. На фотографиях расстояние между жёлтой меткой и окном кажется разным. Но снимки сделаны под углом.

— Хорошо, что вы это уточнили.

— Можно спросить? Вы обмеряли комнату?

Платонов положил рисунок на стол.

— Место происшествия осмотрено специалистами. Всё, что имеет значение, проверяется. Детали осмотра я вам сообщать не могу.

Он не возразил и не поддержал мою версию. На этот раз я даже была благодарна: не хотелось превращать рисунок в доказательство только потому, что мне страшно.

— Когда я выходила, дверь мягко закрылась за спиной, — добавила я. — Не помню, чтобы она щёлкнула замком. Тогда это не имело значения, а теперь мне приходится по одному вытаскивать из памяти самые обыкновенные звуки.

Платонов записал последнее замечание, отдельно пометив, что я не уверена. От этой честности мне стало легче, хотя никакого ответа я не получила.

— Вы спрашиваете о нише потому, что подозреваете ещё один вход? — продолжил он.

— Потому, что не могу забыть: Денис был жив, когда я уходила. Если никто не проходил через дверь, значит, стоит проверить не только дверь.

Платонов не стал ни соглашаться, ни возражать.

— Кто ещё знает о вашей версии?

— Катя. Павел видел рисунок. Я договорилась встретиться с фотографом, чтобы уточнить ракурсы. Никаких сведений от полиции Павел мне не передавал.

— Этого я и не спрашивал, — сказал Платонов.

— А я предпочитаю предупредить вопрос, который всё равно возникнет.

Уголок его рта едва дрогнул.

— Сделайте одолжение: если Костина покажет вам что-то существенное, передайте материалы нам. И не возвращайтесь на место происшествия по собственной инициативе.

— Договорились.

На выходе я столкнулась с Верой Левиной. Она была без светлого костюма — в сером пальто, с непокрытой головой, будто забыла шапку от усталости. В руках сжимала прозрачный файл. При виде меня она остановилась.

— Вас тоже вызвали?

— Да.

— Похоже, сотрудники «Второго круга» скоро будут встречаться здесь чаще, чем на работе.

За дверью кабинета кто-то позвал её по имени. Вера посмотрела на часы.

— Софья Андреевна, нам нужно поговорить об использовании вашего логотипа. Я не хочу, чтобы к остальным неприятностям добавился иск.

— Я тоже. Пришлите письменное предложение, и мы обсудим.

— Завтра утром, если сможете. Нам важно закрыть вопрос до встречи с инвесторами.

Я кивнула, но не взяла на себя никаких обещаний. Юридические формулировки мне и в обычной жизни хотелось видеть на бумаге.

В коридоре у самого выхода я заметила Арсения. Он сидел на краю скамейки, держа на коленях пакет с чужими папками. Увидев меня, быстро встал.

— Софья Андреевна. Прошу прощения за тот звонок. Я рассказал всё, что помнил.

— Это правильно.

— Григорий Борисович сказал, что я только всех запутал. Мол, перестановки были по плану.

— А были?

Арсений поглядел на закрытую дверь кабинета.

— План меняли трижды. Один раз до открытия, потом во время программы. Мы слишком много обещали гостям и слишком мало оставили места для людей с тележками.

— Кто решал, куда двигать перегородку?

— Обычно Григорий. Но в тот вечер я тоже отдавал распоряжения. И некоторые — без его согласования.

Он произнёс это почти с вызовом, но пальцы продолжали мять край пакета.

— Тогда сообщите Платонову не только о согласованных перестановках, — сказала я.

Я не стала расспрашивать его о деталях. Было важнее, чтобы Арсений назвал их следователю, пока не начал подгонять воспоминания под собственный страх.

На улице моросил мелкий снег. Я открыла приложение такси, потом закрыла. До метро было семь минут, и мне требовалось пройти их пешком.

Стены двигали не только рабочие. И даже если проход существовал, этого ещё недостаточно, чтобы назвать убийцу.

Глава 5. Идеальная деловая партнёрша

К четвергу я пять раз произнесла фразу «Моя фирма не организовывала это мероприятие». Последний раз — человеку, который даже не собирался делать заказ, а просто хотел узнать подробности.

Один заказчик написал: «Вернёмся к вопросу после прояснения ситуации». Я ответила вежливо и убрала его заявку из расписания. Работа ещё могла вернуться, а вот машина на назначенный день уже была забронирована.

Катя позвонила из клиники во время перерыва.

— Сонь, у нас сегодня пациент спросил, насколько безопасно стоматологическое кресло. По-моему, он слишком много смотрит роликов из интернета. Не хочу обнадёживать, но страхи клиентов — не только твоя проблема.

— Спасибо за утешение. Сегодня встречаюсь с Верой. Надо разобраться с логотипом.

— Ты не обязана ей сочувствовать.

— Я и не собираюсь. Мне нужен письменный отказ от ложных заявлений и подтверждение условий договора.

— Вот это на тебя похоже. А то я уже приготовилась ехать и ругаться вместо тебя.

Я распечатала договор, сохранила слайд и рекламу со спорной надписью. Марина переслала мне расчёт уже понесённых расходов на отменённый выезд. Привычные цифры не утешали, зато напоминали: защищать нужно не мою гордость, а работу нескольких людей.

Вера предложила встретиться в небольшом кафе недалеко от «Второго круга». Сама она пришла раньше. Перед ней стояла чашка нетронутого чая и лежала папка с бумажными уголками, загнутыми в разные стороны.

— Я заказала вам кофе, — сказала Вера, поднимаясь.

— Спасибо, но лучше сама выберу.

Она хотела быть предупредительной; я слишком хорошо помнила, к чему привело чужое «мы за вас решили».

Вера не возражала. Подождала, пока я закажу, и положила передо мной один лист.

— Здесь подготовленное нами заявление. Мы признаём, что формулировка о партнёрстве была неточной. Публикацию удалили. Если вы согласны, подпишите, что вопрос урегулирован и претензий по использованию имени не имеете.

— Что вопрос урегулирован, подпишу после получения обещанной оплаты и удаления всех материалов. И ещё — после того, как в заявлении появится слово «без согласия». Сейчас у вас написано «некорректное согласование».

Вера убрала лист. Усталость у неё проявлялась не в голосе, а в том, с какой осторожностью она складывала его по сгибу.

— Мы хотели избежать юридических формулировок.

— Мне нужны именно они.

На секунду у неё дрогнули пальцы. Не от злости — от усталости.

— Хорошо. Исправим.

Я отметила ручкой два абзаца и отложила бумагу.

— Вы сказали, что у студии неприятности с инвесторами.

— Это не имеет отношения к вашему договору.

— Согласна. Тогда почему вы так торопитесь получить мою подпись?

Вера посмотрела на меня с неожиданной прямотой.

— Потому что Денис обещал им новую серию проектов. И потому что все эти проекты висели на нём одном. Его смерть не отменяет ни арендной платы, ни зарплаты рабочим, ни уже взятых обязательств. А журналисты теперь звонят и спрашивают, что именно мы скрывали.

— Вы что-нибудь скрывали?

— Почти каждый руководитель скрывает какую-нибудь собственную ошибку, Софья Андреевна. Я, например, видела слайд с вашим логотипом и потребовала исправить. Потом поверила, что исправят. Денис решил, что красивая презентация для инвесторов важнее точной формулировки.

— Я думала, что это безобидная уступка ради большого контракта, — добавила она. — Теперь вы потеряли клиентов, а я не могу даже объяснить инвесторам, зачем мы так упрямо навязывали вам слово «партнёр».

Это совпадало с тем, что я видела перед началом вечера: Вера действительно требовала заменить слайд. Однако ни одно совпадение не делало её автоматически невиновной в другом.

Она показала мне копию счёта. Сумма была крупная; внизу значилось «монтаж модульных конструкций».

— Вот расходы на подготовку экспозиции. Мы заплатили подрядчику аванс, который должны были закрыть актами после показа. Денис в последнюю неделю требовал часть работ принять задним числом. Я отказалась. Он грозил провести всё без меня.

— Почему вы показываете это мне?

— Потому что в интернете уже пишут о конфликте из-за денег. У меня был конфликт с ним. Очень серьёзный. И завтра, вероятно, появится ещё один материал. Я предпочитаю, чтобы вы услышали хотя бы мою сторону, а не решили, будто именно вы стали причиной ссоры.

— Я не решила.

— Вы вчера видели меня в отделе. Я знаю, о чём обычно думают люди.

На счёте были дата, сумма и название подрядчика. Я умела читать такие бумаги, но не собиралась делать из них доказательство убийства. Пока это был конфликт двух людей, отвечающих за деньги и обещания.

— Денис собирался вас уволить? — спросила я.

— Мы были партнёрами, а не начальником и подчинённой. Он хотел лишить меня права подписи на новых проектах. Для этого нужно было провести собрание участников. И он успел разослать письма.

Её голос стал суше.

— Вы понимаете, почему я не хочу разговаривать с журналистами?

— Понимаю, почему не хотите. Но не знаю, что было между вами на самом деле.

— У нас был отвратительный разговор днём, в переговорной. Я сказала, что больше не подпишу ни одного акта, пока не увижу подтверждения работ. Он сказал, что я мешаю развитию. На этом всё. Вечером мы почти не разговаривали.

Я вспомнила, как Денис говорил по телефону над прозрачной папкой: «Мне плевать, как ты это объяснишь». На мгновение даже показалось естественным, что звонил он Вере. Но это было всего лишь удобное совпадение двух ссор.

— Вы не звонили ему перед тем, как его нашли? — спросила я.

Вера убрала счёт в папку.

— Нет. Почему вы спрашиваете?

— Я слышала, как он с кем-то спорил по телефону. Подумала, что спор мог касаться ваших документов.

— В тот вечер я была занята гостями. Телефон оставила у стойки. Кажется, около семи мне звонила бухгалтер, но я перезвонила позже. Все данные есть у следствия.

Она замолчала и впервые за разговор поднесла чашку ко рту. Чай давно остыл.

— Четыре года назад мы основали «Второй круг», — сказала Вера. — Я продала квартиру, чтобы заплатить за первую аренду. Теперь журналисты звонят и спрашивают только, кто из нас кого ненавидел. А у меня завтра зарплата рабочим.

Она не просила сочувствия. И всё же я увидела под деловой речью человека, который боится потерять то, что строил годами. Это ничего не говорило о его невиновности или вине.

Я подписала только получение исправленного проекта заявления, оставив вопрос урегулирования открытым. Вера не стала спорить.

У выхода из кафе водитель выгружал в соседнюю мастерскую плоские коробки. На одной было написано: «БОКОВАЯ ПАНЕЛЬ. СЪЁМНАЯ». Я задержалась у двери: теперь подобные надписи сами цеплялись за взгляд.

— Это заказ соседей, — сказала Вера. — Мебельная мастерская. К нашей экспозиции не относится.

— Я не спрашивала.

— Сейчас все спрашивают. Про каждую дверь. Про каждый ящик.

Мы разошлись на перекрёстке. Вера имела серьёзный конфликт с Денисом из-за денег, но заранее пыталась убрать мой логотип с презентации. Мне не удавалось уложить её в удобную роль человека, который всё делает ради собственной выгоды. Впрочем, живые люди редко помещаются в одну роль.

На полпути зазвонил телефон. Лиза сообщила, что освободилась на час раньше и ждёт меня в кофейне возле редакции.

Я взглянула на время и ускорила шаг.

* * *

Лиза сидела у окна за столиком, на котором едва умещались ноутбук, две чашки и пухлый чехол с объективами.

— Фотографии я уже отдала следователю, — сказала она, едва мы поздоровались. — От него мне ничего не известно. Покажу свои исходники и расскажу, что видела.

— Мне этого достаточно.

В папке «Второй круг — до начала» были провода, лестницы, рабочие и серые панели без узкого шкафа перед ними. Не самая эффектная часть репортажа, зато теперь мне было трудно оторваться.

— Это было в семнадцать двадцать три, — сказала Лиза. — Время записано в файле. Часы камеры я недавно сверяла, но это не лабораторная экспертиза.

На фотографии жёлтый треугольник находился почти напротив неподвижной бетонной колонны. На колонне висела белая табличка с красной стрелкой — обозначение пожарного выхода. Я вспомнила её. На выставке стрелку частично закрывал высокий деревянный стеллаж.

Лиза открыла следующую фотографию. Она была сделана уже во время мероприятия, сразу после выступления.

— Здесь посмотрите.

Треугольник стоял гораздо дальше от колонны. Я сначала решила, что изменился ракурс. Но на обеих фотографиях в кадр попала одна и та же прямоугольная металлическая решётка в полу. Она была частью вентиляции и никуда сдвинуться не могла.

— Вы эту решётку заметили? — спросила я.

— Нет, — призналась Лиза. — Я снимала диван. Теперь, конечно, хочется, чтобы я весь вечер фотографировала не людей, а стыки стен.

— Вы не могли знать.

— Знаю. Но всё равно неприятно.

Она откинулась на спинку стула. Я попросила увеличить второй кадр. У края серой панели виднелась тёмная узкая полоска. Вдоль неё стоял лёгкий переносной светильник, отражавшийся в металлической ножке дивана.

— А это уже интересно, — тихо сказала Лиза. — Когда я пришла, там светильника не было.

— Его могли поставить для фотографии.

— Могли. Я не утверждаю обратного.

На мониторе красовался отлично освещённый диван. За его спинкой начиналось то пространство, которое фотограф не собиралась показывать.

— Пришлёте это Платонову отдельно? — попросила я. — Со временем и исходными файлами.

— Да. Сегодня.

Я не стала просить переслать мне всю папку. Достаточно было понять главное: положение панели можно сравнить не по ощущениям, а по предметам, которые оставались на месте.

У выхода Лиза вдруг сказала:

— Знаете, что ещё? Денис попросил меня сделать пару кадров резерва до прихода гостей. Мол, покажем, насколько всё функционально. Я открыла дверь и увидела, что Серов снимает какой-то узкий щит. Он сказал: «Не сейчас. Здесь собирают». Я решила, что мешаю.

— Когда это было?

— Незадолго до шести. Проверю по соседним снимкам.

— Вы видели, куда он убрал щит?

— Нет. Я отошла. Но это был не выставочный стенд. Он держал его ребром, как створку.

Я удержалась от желания немедленно исправить свой рисунок: Лизины слова ещё нужно было сопоставить со снимками.

Уверенность, что Денис умер в закрытой комнате, рассыпалась. Но легче от этого почему-то не становилось.

У кафе уже стемнело. На другой стороне улицы рабочий собирал складной штендер. Он повернул его к стене одним привычным движением, и предмет, только что казавшийся широкой вывеской, стал узкой полоской металла. Я остановилась. Если человеку известна конструкция, в ней нет никакого фокуса.

Глава 6. Лишние тридцать сантиметров

В пятницу мы разбирали квартиру на Новослободской перед ремонтом. Наталья Борисовна пыталась убедить Марину, мою сотрудницу из «Лишнего нет», что пустые банки следует хранить в трёх отдельных шкафах: для компота, икры и «на всякий случай».

— Эту я держала для компота, — говорила она. — А ту — для кабачковой икры. Вот эти три очень удобные.

— Пустые? — уточнила Марина.

— Пока пустые. Но ведь это не навсегда.

К концу описи Наталья Борисовна заметила, что я то и дело убираю телефон в карман и снова достаю его.

Наталья Борисовна вдруг остановилась возле открытого шкафа.

— Софья Андреевна, а вы не та женщина из интернета?

Я замерла с рулеткой в руке.

— Какая именно?

— Которая выступала на мероприятии, где человека убили.

Мне хотелось сменить профессию. Скажем, стать специалистом по трубам: к текущим трубам люди относятся с подозрением, но хотя бы не снимают о них ролики.

— Да, это я. Я выступала там по приглашению, — ответила я. — Сейчас идут следственные действия, поэтому обстоятельства обсуждать не буду. Но если вы хотите отменить заказ, я пойму.

Хозяйка посмотрела на гору банок, потом на меня.

— А вы на шкафы-то сможете посмотреть?

— Смогу.

— Вот и смотрите. Убийство милиция... полиция расследует. А ремонт у меня во вторник. Он из-за газет не отменится.

Она подняла банку и продолжила про компот. Я была готова оставить ей все банки мира — при условии, что ремонт действительно начнётся во вторник.

К концу дня мы составили подробную опись. Моя помощница, которая слышала разговор, сказала на лестнице:

— Не все люди верят первым заголовкам.

— Не все, — сказала я. — Но те, кто поверил, уже не обязаны возвращаться.

— Другие появятся.

Я не стала спорить. Марина не отвечала за аренду склада, зато старалась меня поддержать. Этого было достаточно.

В машине я проверила оплату труда бригады за этот день. Марина была права: кто-то продолжал доверять нашей работе. Но её уверенность ничего не меняла для тех, кто отказался. Это была не великая несправедливость века, просто настоящая потеря, которую нельзя отменить удачной шуткой.

Вечером позвонил Платонов. Я как раз отмывала с руки клей от старых этикеток.

— Софья Андреевна, вы передавали нам схему помещения. Уточните, пожалуйста: в вашем рисунке ниша начинается сразу за резервом или между ними оставлен зазор?

Я положила губку.

— Не могу знать наверняка. Я нарисовала так, как запомнила. Между перегородкой и бетонной стеной мог быть проход. Для кабелей точно оставляли место.

— Ширину на глаз сможете оценить?

— Если бы зазор был с два кирпича, там вряд ли прошёл бы взрослый человек. Но могла существовать не только ниша между панелями, а целая узкая техническая полоса. Размеры можно узнать только на месте.

— Понятно. Ещё вопрос. Вы видели, как Серов работал с креплениями рядом с резервом?

— До мероприятия — да. Он руководил перестановкой панелей. Я видела металлические фиксаторы и колёса. В самой комнате на столе тоже лежал какой-то тяжёлый монтажный зажим. Об этом я уже говорила.

— Помните его цвет?

— Тёмно-серый, кажется. Я не разглядывала. Он лежал рядом с бумагами.

— Спасибо. Если вспомните подробности, сообщите.

Он собирался закончить разговор, но я всё-таки спросила:

— Я ведь не зря нарисовала этот проход?

Пауза затянулась.

— Вопрос о возможных путях доступа мы проверяем, — ответил он. — Большего пока сказать не могу.

Я положила телефон. Платонов услышал мои предположения, но ни подтвердил их, ни опроверг. На этот раз мне хватило и этого.

* * *

Подсказку принесла Катя. Её опыт работы в клинике оказался полезнее моих школьных представлений о строительстве.

Мы встретились у меня на кухне. Павел задерживался, Пуговица с торжественным видом охранял пакет с кормом, который я купила по дороге. Катя пришла после смены и первым делом попросила налить ей чаю.

— Ты всё ещё думаешь про стены? — спросила она.

— Стараюсь думать про оплату аренды и зарплату сотрудникам. Но стены мешают.

— У нас между стерилизационной и кладовой есть съёмная секция, — сказала Катя. — Когда заносят аппарат, рабочие отворачивают крепления и убирают панель. На обычном плане выглядит как глухая стена. А для монтажника — проход. Почему в студии не могло быть так же?

— Могло. Но одно дело снять панель при монтаже. Другое — незаметно открыть её, пройти и закрыть за собой.

— Я не утверждаю, что кто-то прошёл. Просто отсутствие двери не означает отсутствия пути. У нас ведь тоже нет двери, пока не снимают панель.

Я задумалась. Арсений сказал: «Вроде нет. Там панели». Лиза видела, как Серов держал узкий щит ребром. А я, когда забирала распечатки, заметила у стола металлический зажим, которым стягивают модульные конструкции.

— Там не понадобилась бы ручка, — сказала я. — Если боковой модуль крепится с технической стороны, его можно отвести, как створку. И вернуть на место.

— А потом притвориться, что ничего не было.

— Только если знать, за что тянуть. И если проход не закрыт мебелью.

Катя откинулась на спинку стула.

— Мне уже не нравится человек, который придумал такую стену.

— Подожди. Временные панели нужны на выставках постоянно. Виноват не тот, кто придумал удобную конструкцию, а тот, кто мог использовать её для преступления.

— Вот поэтому ты и должна разбирать шкафы, а не становиться прокурором. Ты всё время находишь людям смягчающие обстоятельства.

Я достала лист с планом. Катя взяла линейку и придвинула её к моим вопросительным знакам.

— А эти тридцать сантиметров?

— Это не ширина прохода. Только разница в положении метки относительно решётки на двух кадрах. Весь проём мог быть больше. Или его вообще не было.

— Значит, дело не в тридцати сантиметрах. Дело в том, что её вообще можно двигать.

— Именно.

Мы сидели молча, когда пришёл Павел. Он выслушал только последнюю фразу и посмотрел на две головы, склонённые над рисунком.

— Чувствую, без меня здесь уже всё расследовали.

— Нет, — сказала Катя. — Мы пока только разобрали стену.

— Мысленно, — добавила я.

Павел снял пальто и ушёл мыть руки.

— Это обнадёживает, — донеслось из ванной.

* * *

В субботу Лиза прислала: «Нашла лист, который Арсений выдавал фотографам. Схема света и техники, на обороте план помещения. Платонову отправила оригинал». Она приложила снимок бумажной схемы: стрелками обозначены светильники, стойки и розетки.

Рядом с прямоугольником «РЕЗЕРВ» тянулась полоса с подписью «тех. проход». Со стороны склада была отмечена зона хранения оборудования. Между нею и резервом стояло: «панель съёмная — обслуживание». Ни слова о запертой комнате.

Схема не сообщала, что произошло в вечер убийства. Зато ясно показывала: я ошиблась, когда считала серую стену границей комнаты.

Камера у видимой двери могла безошибочно снять каждого, кто входил через коридор. Тот, кто знал путь со склада, оставался за пределами её обзора.

Я позвонила Платонову, но он не ответил. Оставила сообщение, что у меня появилась копия организационной схемы, источник — Лиза, оригинал ей уже передан. В ответ пришло короткое «Получено. Спасибо».

Не успела я убрать телефон, как позвонил Арсений.

— Софья Андреевна, можно задать один вопрос? Вы правда считаете, что за перегородкой можно было пройти к Денису?

Я посмотрела на план.

— Потому что я кое-что умолчал. Не из-за убийства. Тогда мне казалось — обычная ошибка при монтаже. Теперь не уверен.

Он сделал паузу. На заднем плане шумела улица, кто-то настойчиво сигналил.

— В тот вечер я сам передвинул один стенд, — сказал Арсений. — После вашего выступления. Без разрешения Серова. И теперь боюсь, что из-за меня кто-нибудь мог туда попасть.

— Арсений, — сказала я, — если это важно, первым человеком, которому вы должны рассказать, будет Платонов.

— Я понимаю. Я уже договорился приехать к нему в понедельник. Просто хотел предупредить вас. Когда он узнает, все опять решат, что я соврал специально.

Он говорил быстро, почти не дыша. Я не знала, скрывает ли он преступление, чужую небрежность или всего лишь собственную ошибку. Знала только, что в этой истории люди слишком часто путали неловкость с виной.

— Расскажите всё как было, — попросила я. — Даже если получится некрасиво.

После звонка я долго рассматривала линию технического прохода. Ответ на один вопрос неожиданно сделал труднее другой.

У комнаты был второй путь доступа.

И кто из этих людей оказался возле ниши между моим уходом и обнаружением Дениса?

Глава 7. Неправильный виновный

В воскресенье я проснулась раньше будильника и не открыла новости. Вместо этого открыла рабочую почту: если нервничать, то хотя бы по счетам, на которые можно повлиять.

Там обнаружились три счёта, два вопроса об услугах и письмо от человека, который предлагал мне выступить на конференции «Честное пространство». Тему он сформулировал так: «Как негативная публичность превращается в личный бренд».

Я отказалась. Существуют события, которые лучше пережить, не пытаясь превратить в рекламу.

Павел сидел на полу в прихожей и пытался застегнуть новую шлейку Пуговицы. Пёс терпеливо позволял человеку заниматься бессмысленным занятием, но на последнем ремешке повернулся и потащил Павла к двери.

— Он решил, что уже готов, — сказала я.

— У нас разное представление о готовности.

— В вашем союзе это не впервые.

Павел поймал застёжку, поднялся и посмотрел на меня.

— Ты сегодня работаешь?

— До обеда. Потом хочу хотя бы час ничего не выяснять.

— Прекрасный план.

— Только не хвали заранее. Я ещё могу его испортить.

Он увёл Пуговицу на прогулку. За окном женщина вытряхивала коврик, две машины не могли разъехаться у сугроба. Город занимался своей обыкновенной жизнью, а я впервые не могла с уверенностью сказать, когда вернусь к своей.

Я закрыла ноутбук.

В понедельник Арсений должен был говорить с Платоновым. Мне не нравилось, что он так боялся обычного признания в перестановке мебели. Но я слишком хорошо помнила собственный разговор со следователем, чтобы давать советы, как правильно выглядеть невиновной.

* * *

В понедельник на Бауманской я осматривала мастерскую, забитую оборудованием старше смартфонов. Хозяин ожидал, что я предложу выбросить всё без разбора. Услышав слово «опись», он согласился подписать договор. Было приятно убедиться, что некоторые вопросы по-прежнему решаются обычной работой.

На выходе мне пришло сообщение от Арсения: «Дал объяснения. Про стенд тоже. Можно позвонить? Только не о материалах дела, о том, что я сам делал».

Я перезвонила из ближайшего кафе.

— Вы не обязаны отчитываться передо мной, — сказала я вместо приветствия.

— Знаю. Но я обещал рассказать. И, кажется, могу наконец сказать это без того, чтобы меня трясло.

Он говорил гораздо медленнее, чем в субботу.

После выступления нужно было пропустить в служебную часть тележку с напитками и пустыми подносами. Перед технической нишей стоял стеллаж на колёсах — узкий, но тяжёлый, с образцами тканей, альбомами и дощечками. Арсений отодвинул его к витрине.

— В восемнадцать пятьдесят одну, — уточнил он. — Девушка из кейтеринга тогда написала, что не проедет с тележкой. Сообщение осталось.

— Почему вы считаете, что нарушили инструкцию?

— Серов велел ничего не двигать после начала программы. Боялся, что разметку испортим. А я уже опрокинул кувшин и залил свитер. Не хотел ещё и тележку уронить.

Я вспомнила тёмное мокрое пятно на груди Арсения, когда он выбежал из резерва после обнаружения Дениса. До сих пор эта деталь казалась мне частью общего хаоса. Теперь выяснялось, что пятно возникло раньше.

— А потом стеллаж вернули?

— В районе девятнадцати пяти. Серов увидел стеллаж у витрины и велел немедленно вернуть. Сказал: из-за моей самодеятельности потом никто не разберётся, где секции.

— Серов подошёл откуда?

— Из склада. Кажется. Я не следил. А через несколько минут пошёл искать Дениса. Он должен был представить вторую часть вечера и не отвечал на сообщения.

Он замолчал. Я посмотрела на запись в блокноте: звонок Павла — 18:48, передвижение стеллажа — 18:51, обнаружение тела — около 19:08. Всё произошло за каких-то двадцать минут.

— Вы говорили следователю время и про сообщение?

— Показал телефон. И контакт девушки с кейтеринга. Она подтвердила, что просила открыть проезд. Я ей ещё помог тележку повернуть. Это тоже видно на одном ролике у гостей.

— Хорошо.

— Но ведь я открыл нишу, — сказал он. — Может, если бы я не передвигал стеллаж, никто бы туда не прошёл.

— Вы помогли провезти тележку. Нельзя отвечать за то, что другой человек мог воспользоваться освободившимся проходом.

— Серов говорит, я теперь всё порчу. И что следователь начнёт спрашивать, почему мне понадобился именно тот стеллаж.

— Следователь имеет право спрашивать. А вам не нужно придумывать ответ получше настоящего.

Арсений выдохнул. Я почему-то представила, как он в который раз поправляет свой перекрученный бейдж.

— Спасибо. Знаете, что самое глупое? Я столько времени боялся признаться, что не послушался начальника, словно это страшнее того, что произошло.

— Страх редко выстраивает неприятности по степени важности.

Он засмеялся коротко и невесело. Мы попрощались.

После разговора я ещё раз выстроила вечер по минутам. Между 18:51 и примерно 19:05 стеллаж больше не заслонял часть технической зоны. Но это не означало, что кто-то обязательно прошёл там: лишь то, что такая возможность появилась.

И Серов, по словам Арсения, не только заметил перемену, но и потребовал вернуть всё на место.

Я написала в блокноте «открыл нишу» и тут же зачеркнула глагол. Арсений сдвинул предмет перед нишей; съёмную панель он не трогал. В деле, где один лишний вывод мог испортить человеку жизнь, разница была огромной.

Я позвонила Платонову и коротко сообщила, что Арсений сам рассказал мне о своей перестановке, указал минуты и сказал, что уже дал объяснения. Следователь подтвердил только, что сведения приняты; дальше мы говорили о времени моего первого посещения комнаты. Я больше не спрашивала, кого сейчас считают виновным.

* * *

Вечером Катя позвала меня на ужин. Не по делу, не для консультации, а потому что купила рыбу и передумала готовить её на одного человека. Я согласилась и приехала с салатом.

— Садись, — сказала она, забирая у меня пакет. — Сегодня запрещено обсуждать убийства до десерта.

— Ты всегда устанавливаешь правила, которые сама же нарушаешь.

— Потому что они мои.

Мы поговорили о клинике и странных просьбах пациентов, о Маринином отпуске, о выходных, которые мы с Павлом всё переносили. Не говорили лишь о выставке, хотя я чувствовала, как Катя удерживается от вопроса.

Только за чаем Катя спросила:

— Молодой организатор рассказал про свою перестановку?

— Да. И уже сообщил всё следователю.

— Значит, его можно оставить в покое?

— Не мне решать. Но его ошибка теперь имеет понятную причину и время. Он освобождал проезд для тележки.

— А Серов?

— Что Серов?

— Он должен был знать, что там за проход. Он же всю конструкцию собирал.

— Должен. Только знание устройства стен ещё не доказательство убийства.

Катя поставила чашку.

— Я не предлагаю арестовать его за техническое образование. Но кто-то знал устройство этого места лучше остальных. Ты же сама это видишь.

— А у тебя появилась привычка определять виновных за чаем.

— Хорошо, договорились: доедаем пирог и никого не арестовываем.

Мы посмеялись. Потом она вдруг стала серьёзной:

— Я хотела спросить про твою фирму. Заказы ещё отменяют?

— Один окончательно. Два зависли. Один вернулся, когда я прислала смету. Не разоримся. Но меня раздражает, что я теперь вынуждена доказывать право работать, хотя не сделала ничего плохого.

— Можно я помогу с ответами клиентам? Не с расследованием. С обычными письмами.

— Можно. Только никаких воинственных формулировок.

— Значит, половину моего словаря придётся оставить дома.

Катя набросала сообщение клиентам: «Агентство продолжает работу по согласованному графику. По всем вопросам о заказах обращайтесь напрямую». Потом добавила фразу о моей непричастности к преступлению и вопросительно посмотрела на меня.

— Последнее убери. Мы не обязаны обсуждать чужое уголовное дело с каждым клиентом. Даже если он спрашивает.

Катя перечеркнула строчку.

— Вот за это я тебя и люблю. Ты даже про себя не позволяешь написать лишнего.

Когда я вернулась домой, у двери стоял Павел с пакетом продуктов. Пуговица приветствовал нас обоих так, словно мы уезжали на три года.

— Как ужин? — спросил Павел.

— Спокойно. Никто ни в чём не признался.

— Редкая удача.

В пакете оказался белый хлеб, который Павел запомнил после нашего разговора о супе. За всю неделю это была первая деталь, не имевшая никакого отношения к делу, но которую я почему-то захотела записать.

Уже в постели я вернулась к двум отметкам: 18:51 и 19:05. Четырнадцать минут, в течение которых путь из технической зоны мог стать доступным.

И Серов, который, по словам Арсения, первым заметил, что стеллаж переставлен.

Глава 8. Кто боялся проверки

Во вторник Марина принесла в офис коробку старых договоров и спросила, не пора ли перевести их в электронный архив.

— Пора, — сказала я. — Но сначала выясним, почему у нас есть пять папок с одинаковой надписью «СРОЧНО» и ни одной со словом «СДЕЛАНО».

— Потому что «срочно» живёт дольше любого срока, — ответила она.

С Мариной мы работали достаточно давно, чтобы она не спрашивала, почему чужой порядок даётся нам легче собственного. Она просто поставила коробку на свободный край стола и принялась открывать папки.

Среди бумаг нашёлся акт трёхлетней давности, подписанный человеком, который уже сменил телефон и адрес. Я долго смотрела на дату. Вещи мы обычно выбрасывали после проверки; с бумагами так легко поступать не решались. Неизвестно, кому спустя годы придётся доказывать, что всё происходило иначе, чем написано.

От этой мысли я закрыла ящик резче, чем собиралась.

В половине второго позвонила Вера Левина.

— Софья Андреевна, исправленное заявление готово. Мы указали, что название вашего агентства использовали без согласия. Оплату по договору перечислили вчера. Вам отправить подписанный экземпляр курьером?

— На электронную почту достаточно. Оригинал можно прислать позже.

— Я хотела ещё кое-что сказать. Не по вашему договору.

Вера подбирала слова медленно, словно заранее знала, что любой её ответ можно понять неправильно.

— Вы в прошлый раз спрашивали, почему Денис и я спорили об актах монтажа. Я тогда сказала не всё.

— Вера Ильинична, если это относится к расследованию, лучше сообщить Платонову.

— Сообщила. И документы передала. Просто вы, возможно, прочитаете об этом в интернете. Лучше услышать от меня, почему наша студия теперь упоминается рядом с аварией двухлетней давности.

Я села обратно за стол.

— С какой аварией?

— Два года назад на выставке рухнула часть временной конструкции. Пострадал монтажник Виталий Кашин. После лечения он не смог вернуться к прежней работе.

Я молчала.

— Техническую сборку тогда возглавлял Серов, — продолжила она. — В итоговом акте указали, что Кашин сам нарушил порядок демонтажа. Денис поставил подпись. Убеждал нас: иначе потеряем заказчиков, работы, людей.

— Вы знали, что документы неверные?

— Тогда я знала содержание итогового акта, — сказала Вера. — А в прошлом месяце бывший партнёр прислал из архива фотографии и рабочие листы. На них опоры стояли иначе, чем в отчёте. Я потребовала выяснить, кто менял схему и почему.

— И Денис начал проверку?

— Денис сначала уверял, что ничего не помнит. Потом попросил поискать сменный журнал. За неделю до открытия сказал, что нашёл оригиналы и после выставки встретится с представителем Кашина.

— Понедельник после вечера?

— Да.

Я вспомнила счёт, который Вера показывала мне в кафе. «Монтаж модульных конструкций» — те же слова, другой год. Она могла рассказать всё это следователю, но теперь для неё было важно, чтобы хотя бы один человек услышал историю не в пересказе журналиста.

— Вы утверждаете, что Денис хотел исправить старую ложь?

— Он говорил, что хочет, — ответила Вера. — У Дениса было много правильных намерений. Он редко позволял им мешать выгодным сделкам.

Вера помолчала и добавила:

— Да, у нас был конфликт из-за финансов. Но Денис одновременно собирался снова заключить договор с той же бригадой, не закрыв старую историю. Мне казалось, мы спорим о цене и бумагах. Теперь я уже не уверена, что понимала масштаб спора.

— А Серов знал, что нашли оригиналы?

— Денис говорил с ним в день выставки. При мне. Не знаю, что было после.

— Спасибо, что рассказали. Но подробности лучше оставьте следователю. Мне не нужно видеть документы, которые вам передали для проверки.

— Я и не предлагаю. Простите, что вообще втянула вас в это.

Мне хотелось сказать, что втянули меня гораздо раньше и без её помощи. Но Вера впервые не пыталась выглядеть хозяйкой положения; спорить с ней сейчас было бессмысленно.

* * *

Я нашла заметку двухлетней давности: «На выставке пострадал рабочий». Несколько строк о падении конструкции, проверке, госпитализации. Ни имени человека в заголовке, ни того, что с ним было спустя полгода. Информационная жизнь Кашина закончилась раньше, чем он смог вернуться из больницы.

Под заметкой сохранились комментарии. Один пользователь обвинял рабочих в небрежности, другой организаторов в экономии. Ни один не знал, что произошло. Оба писали так, будто присутствовали при падении.

Я закрыла страницу. Виталий Кашин жил с последствиями два года. Комментарии давно ушли вниз ленты. А я за одну неделю успела почувствовать, как быстро чужая уверенность отрывается от фактов.

На следующем выезде наша бригада переносила тяжёлую библиотечную секцию. Марина остановила ребят, когда один предложил поставить шкаф на шаткую подставку, чтобы подвести ремень. Мы потеряли десять минут: нашли устойчивые опоры, заново разметили путь, попросили хозяина выйти из коридора. Никто не похвалил нас за осторожность. Я и сама раньше вряд ли придала бы этому значение.

Уже в машине Марина заметила: «Хорошо, что не торопились». Я кивнула. В истории Кашина меня мучило не только то, что кто-то мог сознательно обмануть проверку. Ещё хуже было представить, сколько людей в тот день решили, что проверка — лишняя задержка.

Вечером написала Лиза: «Подняла старый архив. Я тогда снимала открытие павильона, не аварию. Есть кадры с монтажом до запуска. Исходники предложила Платонову».

Я позвонила ей.

— Вы знали Кашина?

— Лично нет. Но после травмы он мне звонил, спрашивал, не попала ли на снимки опора, возле которой работал. Я тогда ничего не нашла и решила, что раз проверка уже была, дальше разберутся без меня.

— А вы поверили?

— На одном кадре рядом с опорой стоит Серов. Не значит, что он её испортил. Но там виден дополнительный фиксатор, которого нет на фото в рекламном отчёте проекта. Я нашла и другие кадры в той же последовательности.

— Отчёт был общедоступным?

— Рекламное резюме проекта. Там всё прекрасно: гости, павильон, устойчивые конструкции. Крупной аварии в этом отчёте, разумеется, не было.

Я вспомнила фотографию своей команды под чужим словом «партнёр». Красивое изображение могло ничего не сообщать о том, кто принял решение и чем оно закончилось.

— На ваши исходники могут повлиять ракурс и время, — сказала я. — Вы же сами это понимаете.

— Поэтому и не делаю выводов. Только передаю оригиналы специалистам. Там есть последовательность съёмки.

— Правильно.

Она вздохнула.

— Он говорил о подпорке. А я думала, что после несчастья человеку просто хочется найти причину, которую можно назвать вслух. Мне теперь не по себе от этой мысли.

— Вы не могли вместо специалистов расследовать аварию, — ответила я. — Но у вас сохранились кадры, которые могут помочь проверить старый акт. Это уже много.

— Я это и сделаю.

* * *

Катя позвонила, когда я заканчивала рабочую переписку.

— Ты почему сегодня такая молчаливая? Я послала тебе фотографию смешного объявления в лифте, а ты даже не поставила знак вопроса.

— Я работаю.

— Это подозрительно. Обычно ты работаешь и успеваешь объяснить, почему объявление плохое.

Я рассказала ей о Кашине. Не о выводах следствия, которых не знала, — только о давней аварии, подписи под актом и фотографии, которую сохранила Лиза.

Катя выслушала молча.

— У нас лечилась женщина, — сказала Катя, — у которой после травмы долго не слушалась рука. Все радовались, когда она снова смогла застёгивать пуговицы. А она сказала: «Меня поздравляют с тем, что я теперь умею то, чего раньше даже не замечала». Я до сих пор это помню.

— Вот именно.

— Серов из-за этого мог убить Дениса?

— Я не знаю. Он мог бояться огласки. Денис мог использовать бумаги для давления. Серов мог вообще не иметь отношения к неверным актам. Есть ещё вопрос: почему Денис два года молчал и только теперь решил говорить?

— Потому что испугался, что история повторится?

— Тогда не придумывай. Пообещай только, что не поедешь разговаривать с Серовым лично.

— Не поеду.

— Вот теперь могу выдохнуть.

Ехать к Серову я не собиралась. Мне хватало своей фирмы, двух отменённых заказов и мысли о том, что за подписями на актах иногда прячется чья-то жизнь.

Но кое-что я могла сделать безопасно и полезно.

В программе «Второго круга» напротив фамилии Серова значилось: «Монтаж и обеспечение безопасности экспозиции».

Я вспомнила кадр старой опоры и снова убрала программу в папку.

Перед сном я записала на отдельном листе два вопроса, не подменяя их ответами: «Что лежало в прозрачной папке Дениса?» и «Кому он звонил, пока я забирала распечатки?».

Потом положила лист в ящик.

Я хотела одного: чтобы за словами, сказанными мне по телефону, наконец появились документы, которые можно проверить.

Глава 9. Прямой путь к убийце

В среду Платонов позвонил, когда я стояла в очереди за кофе. Попросил ещё раз прийти и подробно описать предметы, которые я видела у Дениса.

— В какое время?

— После четырёх. Предупредите, если не получится.

Я попросила пять часов. У меня был выезд к заказчику, и я не хотела оставлять сотрудников одних посреди демонтажа старой кухни. Платонов согласился.

После разговора я вдруг почувствовала неловкое облегчение. Со мной связывались не потому, что в интернете снова появился ролик, а потому, что я могла сообщить конкретную вещь. Конечно, это не означало, что все подозрения исчезли. Но между чужим воображением и обычной работой следствия всё-таки существовала разница.

Днём мы разбирали кухню перед переездом. На каждой коробке хозяин писал «не трогать», а хозяйка меняла надпись на «обсудить». Я предложила отдельную коробку с названием «решим в новой квартире» — за семь лет брака они так и не придумали ничего лучше. Обычная работа неожиданно помогала удержаться в обычном мире.

В отдел я приехала без опоздания. Платонов положил передо мной чистый лист и попросил рассказать, что именно находилось на столе Дениса до того, как я взяла распечатки.

— Прозрачная папка с загнутым уголком, — сказала я. — Денис положил её под журнал. Два закрытых конверта. Металлический монтажный зажим. Он лежал справа от журнала, ближе к краю стола. Мои распечатки — левее.

— Вы касались зажима?

— Нет.

— Как он выглядел?

Я попыталась нарисовать его сбоку. Рисунок получился похожим на неудачную попытку изобразить утюг.

— Он был не плоским, — объяснила я. — Толстая металлическая деталь с губками, как у струбцины, только короче. С одной стороны тёмная рукоятка или выступ. Не могу уверенно сказать, был ли там винт.

— Вы говорили, что видели подобные крепления на других работах. Для чего они используются?

— Чтобы стягивать секции каркаса или прижимать опоры. Но это не название из каталога. Я не монтажник, могу ошибаться.

Он записал.

Я закрыла глаза. Денис возле окна. Телефон у уха. Прозрачная папка, залом на уголке. Тёмная металлическая вещь между конвертами и моими распечатками. На ребре что-то светлое — но вспомнила ли я это сейчас или заметила в тот вечер?

— Возможно, на ребре была светлая полоса. Я не уверена, — ответила я. — Если понадобится, лучше опираться не на это воспоминание.

— Вы уверены, что предмет был в комнате, а не на тележке в коридоре?

— Да. Он лежал на столе. Поэтому и запомнился: среди бумажных папок выглядел не к месту.

Платонов отложил ручку.

— Спасибо. Вы хорошо отделяете то, что видели, от того, в чём не уверены.

— За эту неделю я получила практические занятия.

Я нарисовала стол и обозначила, где лежал предмет. Теперь на моём листе не было ни красных стрелок, ни предполагаемого убийцы.

— Скажите, а если бы боковой модуль сняли, я заметила бы это, когда заходила? — спросила я.

— Если говорить в общем виде, зависит от того, где стояли предметы и в какой момент сняли модуль. Конкретные обстоятельства мы проверяем.

— Понимаю.

Он сложил записи в папку. Я уже собиралась уйти, когда Платонов произнёс:

— И ещё. Вы упоминали, что Ракитин разговаривал по телефону, когда вы зашли. Пожалуйста, восстановите слова максимально дословно.

— «Нет. Сегодня. Я не собираюсь ещё неделю ждать». Потом: «Мне плевать, как ты это объяснишь. После сегодняшнего разговора всё изменилось». Это я слышала до того, как постучала. Могла пропустить отдельные слова. С самим собеседником не разговаривала и номера не видела.

— Хорошо. На этом пока всё.

В коридоре стоял запах свежей краски. Я надела пальто и вдруг поняла, насколько устала восстанавливать по минутам чужую последнюю четверть часа.

На улице я обнаружила сообщение от Марины: наша клиентка отказалась отдавать ключи бригаде без письменного списка вещей. Раньше я ответила бы, что доверие важнее всего. Теперь написала: «Правильно. Давайте сделаем список». После недели чужих противоречивых показаний мне вдруг хотелось, чтобы каждая мелочь была названа своим именем.

* * *

Лиза позвонила вечером. Она не стала пересказывать свой разговор со следователем. Спросила только, помню ли я инструментальный ящик рядом с резервом.

— У вас сохранилась программа с фотографией технической зоны?

— Схема есть. А что?

— На кадре до открытия рядом с комнатой стоит металлический ящик с жёлтым номером. Серов сидит возле него. На следующем снимке ящик повёрнут крышкой к стене. Маркировка та же.

— И?

— В старом архиве, с выставки двухлетней давности, похожий ящик тоже у Серова. На углу крышки белый штрих. Я помню, как он тогда предупреждал рабочих: не брать инструмент из его комплекта без разрешения.

— А вы видели, что в нём лежало?

— Содержимое не видно. Я могу лишь указать, какие кадры сделаны до открытия и после него. Оригиналы уже передала Платонову.

— Передайте ему. И не пытайтесь выяснить сами, что из ящика исчезло.

— Уже передала. Я вообще после этой истории перестала хотеть смотреть внутрь чужих ящиков.

Она поколебалась.

— А на снимке в восемнадцать пятьдесят шесть Серов стоит у служебных ворот. В фокусе у меня вообще другая пара людей, но он узнаваем и попал в кадр целиком. Вы помните, как кто-то говорил, будто Серов почти всё время был у звукового пульта?

— Значит, он был возле склада. Но это его работа.

— Да. Не делайте из этого убийцу. Просто потом некоторые говорили, будто он всё время находился у звукового пульта. Если это действительно кто-то утверждает, фотографию стоит проверить.

— Вы передали её тоже?

— Исходник. С соседними снимками. Конечно.

Мы помолчали. Лиза не занималась моим делом и не работала в полиции; она просто сохраняла исходники. Теперь её привычка проверять папки с фотографиями значила больше, чем красивый монтаж короткого ролика.

Наутро я вспомнила мастерскую, которую наше агентство освобождало осенью. Рабочие там маркировали крепёж цветной краской, чтобы детали одного комплекта не смешивались с другими. Возможно, светлая полоска на зажиме Дениса тоже была меткой, а не царапиной. Но от собственной догадки я уже устала.

Платонову я сообщила только то, что видела у Дениса: тёмный зажим и, возможно, светлую полосу на его ребре. Он поблагодарил и попросил не пытаться уточнять воспоминание по чужим фотографиям.

Я согласилась. У человека легко возникает чувство, будто он вспоминает, хотя на самом деле достраивает картину по новым сведениям.

* * *

К пятнице «Второй круг» объявил о приостановке работы выставочного зала. Вера прислала копию исправленного заявления и подтверждение оплаты моего выступления.

— Хоть это закрыли, — сказала Марина, глядя на поступление.

— Не сглазь. Деньги в банке, ещё не обязательно в кассе.

— В банке они обычно надёжнее.

Она ушла на выезд, а я осталась отвечать на сообщения клиентов. В половине пятого зазвонил телефон. На экране было имя Веры.

— Сегодня изъяли часть оборудования, — сказала Вера. — Григория вызвали на следственные действия. Он пока не вернулся, и я не хочу, чтобы вы услышали от Арсения слово «арест» раньше, чем станет что-либо ясно.

— Это ещё не означает, что его задержали.

— Понимаю. Но сотрудники уже строят версии, один — про инструмент, другой — про документы. Я попросила их не обсуждать это в общих чатах. У нас завтра зарплата и двадцать человек ждут ответа, будут ли у них рабочие места.

Вера говорила тихо. На заднем плане слышались голоса и звук закрываемого металлического шкафа.

— А Серов что-нибудь говорил о том, где находился в тот вечер?

— На следующий день он утверждал, что почти всё время провёл у аппаратуры. Я видела его у пульта раньше, но не могу подтвердить, где он был после вашего выступления. Всё это я сказала Платонову.

— У фотографа есть снимок возле служебного входа. Пусть следствие проверит время. Снимок она уже передала.

Вера долго молчала.

— Значит, мы даже о том, где человек стоял, говорили с чужих слов, — наконец произнесла она.

— И теперь ваши собственные наблюдения уже не подменить словами начальника, — ответила я.

— И ещё я думала о вашем выступлении. Вы тогда сказали, что нельзя подтверждать происхождение вещей, которых сам не проверял. Денис очень рассердился. А я решила, что вы просто ставите нас в неловкое положение.

Она помолчала.

— Мы слишком долго принимали хорошие отчёты за доказательство того, что всё хорошо, — сказала Вера.

Мы попрощались. Я посмотрела на окно. За стеклом шёл снег, и мокрый асфальт постепенно становился белым.

Через десять минут позвонил Платонов. Голос у него был таким же ровным, как в первый вечер.

— Софья Андреевна, ещё один уточняющий вопрос. Вы видели, чтобы кто-то входил в техническую нишу после вашего выхода из резерва?

— Нет. Я в тот момент была в зале, у стойки с водой. Технический проход с моей стороны не просматривался.

— А Серова между вашим уходом из резерва и обнаружением тела вы видели?

Я попыталась вспомнить. Его голос во время первых выступлений, указания рабочим до начала, лицо за спиной Веры в тот момент, когда нашли Дениса. Между ними зиял пустой промежуток.

— Нет. И раньше не утверждала, что видела. У стола с водой его не было, но я могла просто не заметить.

— Понятно. Благодарю.

— Сергей Валерьевич, могу спросить, зачем вы уточняете именно это?

— Потому что теперь проверяем показания о перемещениях конкретных людей. Больше пока сказать не могу.

После разговора я аккуратно записала только то, что могла подтвердить. Остальное уже лежало у следствия: схемы, фотографии, показания и вещи, которых я даже не видела.

Серов запрещал Лизе снимать служебную зону. Он заметил сдвинутый стеллаж и настоял, чтобы его вернули. В 18:56 его сняли у служебных ворот, хотя позднее он говорил об аппаратуре. Всё это могло быть частью обычной работы монтажника — кроме попытки представить свои перемещения иначе.

Именно эта попытка заставляла меня вновь возвращаться к нему.

Впервые за неделю я не стала рисовать схему. У Платонова были эксперты, записи и возможность проверять людей по отдельности. У меня — воспоминания, за которые я должна отвечать без красивых поправок.

Я не знала, что нашлось при осмотре оборудования. Но теперь понимала: у Серова мог быть не только способ добраться до Дениса, но и причина бояться разговора о старой аварии.

Для обвинения этого по-прежнему было мало.

Глава 10. Клиент всегда неправ

В понедельник мне позвонил незнакомец и спросил, работаю ли я с клиентами, чья репутация «под вопросом».

— А у вас какая? — уточнила я.

Он обрадовался, словно именно этого и ждал.

— Я занимаюсь продвижением сложных личных брендов. Ваша история — идеальный материал для проекта о том, как пережить публичный кризис.

— Я занимаюсь разбором квартир.

— Именно! «Разобрала чужие секреты — собрала собственную жизнь». Сильный слоган, правда?

— Чувствую, что мне пора на встречу с заказчиком.

Я закончила разговор прежде, чем он успел продать мне мою собственную биографию.

Марина подняла голову от компьютера.

— Нам снова звонят из-за выставки?

— Нет. Теперь из-за неё хотят заработать.

— Разница небольшая.

В расписании было два освободившихся окна, три подтверждённых заказа и письмо постоянной клиентки: она переносила работу, потому что заболела дочь и не с кем оставить ребёнка. На этот раз причиной была обычная жизнь. Я перечитала письмо и неожиданно почувствовала облегчение.

Жизнь всё-таки продолжалась. Большая часть людей занималась совсем не моей репутацией.

— Я нашла в портфолио фотографию с выставки, — сказала Марина. — Там ты стоишь рядом со стендом «Вещам нужна новая история». Может, уберём её? Не потому что стыдно. Просто я больше не могу смотреть на эти серые стены.

— Уберём.

Я заглянула в папку с рекламными материалами. Фотография действительно была красивой. Свет, дерево, серые панели, чьи-то довольные лица. На заднем плане стоял узкий шкаф, почти полностью заслонявший стену.

Сначала фотография казалась обычным рабочим кадром. Потом я изучала её как возможную улику. Теперь видела место, где убили человека, и больше не хотела использовать его в рекламном альбоме.

— Снимем её с сайта, — сказала я, закрывая папку. В первый раз за эту неделю решение не требовало ни объяснений, ни свидетелей.

* * *

К вечеру позвонила Катя.

— Я к тебе приеду. Есть продукты и очень уважительная причина.

— Веская причина — это еда?

— Нет. Продукты — дополнение. А причина в том, что ты опять собираешься провести вечер наедине с комментариями.

Она едва успела поднять сумку: Пуговица встретил её в прихожей и уверенно решил, что ужин привезли лично ему.

— Вот кто умеет беречь репутацию, — сказала Катя. — Посмотри: сидит безупречно, словно вчерашняя пропажа котлеты его не касается.

Мы сварили суп. Катя рассказала о пациенте, который попросил показать стерилизатор, потому что посмотрел страшный ролик о клинике в другой стране. Я слушала, очищая картофель, и впервые за день смеялась не из вежливости.

— И что вы сделали?

— Объяснили, что действительно можем показать. А о том, что происходит в незнакомой клинике из ролика, мы ничего не знаем.

Я подняла на неё глаза.

— Ты сейчас намекаешь?

— Я ем суп. Это не мешает мне быть последовательной.

Мы помолчали. Потом Катя сказала:

— Если следствие установит твою непричастность, эти две недели и ушедшие клиенты ведь всё равно не вернутся. Ты об этом думаешь?

— Каждый день. Только от постоянного подсчёта убытков они не уменьшаются.

— А ты хочешь, чтобы кто-нибудь из студии публично извинился?

— Вера уже исправила заявление об агентстве. За своё использование логотипа они отвечают. А за чужие домыслы она не может извиниться, даже если очень постарается.

Катя покрутила ложку между пальцами.

— Я бы на твоём месте злилась сильнее.

— Я злюсь, — сказала я. — Просто мне надоело платить за эту злость собственным рабочим временем.

После этих слов на кухне стало тихо. Катя не стала утешать меня: ей хорошо было известно, что именно я потеряла.

Позднее Павел, снимая ботинки в прихожей, спросил, почему у нас пахнет овощным супом и мокрой собакой. Я объяснила, что Пуговица снова решил проверить, не сочетаются ли его лапы с сугробом у подъезда.

— Сочетаются. Очень убедительно. Особенно с моими брюками, — ответил Павел.

Он прошёл на кухню, поцеловал меня и только тогда заметил, что я не сижу у компьютера.

— Ты свободна?

— Почти. Мне осталось решить, стоит ли отвечать человеку, который предлагает использовать убийство как рекламу.

— Не стоит, — сказал Павел.

— Это ты сейчас как следователь?

— Как человек, который не хочет получать в девять вечера письмо от незнакомца с предложением заработать на нашем ужине.

Катя рассмеялась. Пуговица подвинулся к Павлу: от него пахло сыром, и происходящее в человеческом мире снова обещало практическую пользу.

Той ночью я впервые уснула, не вспоминая, где стояла серая перегородка.

* * *

Через девять дней после последнего разговора с Платоновым он позвонил снова. За это время мы закончили сортировку книг, съездили на два выезда и поспорили с хозяином гаража, который хотел выбросить не только свои вещи, но и имущество бывшего арендатора.

— Софья Андреевна, добрый день. Мне нужно ещё раз с вами встретиться, — сказал следователь. — Это связано с уточнением ваших показаний и некоторыми установленными обстоятельствами.

Я посмотрела на календарь.

— Завтра в одиннадцать смогу.

— Подойдёт. И, пожалуйста, возьмите исходное письмо со студией, где вам сообщали об условиях выступления. Вы уже показывали переписку, но нам понадобится уточнить последовательность согласования.

— Хорошо.

Я не стала спрашивать, найден ли убийца. Если бы следователь мог сказать об этом по телефону, он начал бы с главного.

В кабинете Платонова всё лежало на своих местах: закрытые папки, ручка посередине блокнота, две чистые чашки у окна. От этой аккуратности мне сделалось не по себе.

— Сразу скажу: по делу предъявлено обвинение одному из проверявшихся лиц. У вас статус свидетеля; оснований подозревать вас в совершении преступления следствие не получило. Но расследование ещё продолжается, — сказал Платонов.

Я не сразу ответила.

— Это Серов?

Платонов посмотрел на меня.

— Сейчас я не буду обсуждать с вами позицию обвинения или доказательства в отношении другого лица, — ответил он. — Эти сведения будут доступны в предусмотренном порядке. Мне нужно уточнить ваши показания.

Он говорил не жестоко и не уклончиво. Просто у него была работа, а у этой работы существовали границы.

Я кивнула. Мне хотелось получить от него больше, но было ясно: продолжать он не станет.

Мы снова восстановили условия выступления. Платонов уточнил, когда мне прислали окончательную презентацию и как Арсений объяснил поручение зайти в резерв. Я назвала время переписки и подтвердила: бумаги забрала сама, больше ничего в комнате не трогала.

Потом разговор вернулся к металлическому зажиму.

— Вы можете сказать, что видели на нём белую маркировку? — спросил Платонов.

— Я помню, что на одном ребре было что-то светлое, но теперь не уверена, не додумала ли я это после других разговоров. В первый вечер я не называла полоску маркировкой.

— Хорошо. Именно так и запишем.

Он не стал делать мою память точнее, чем она была. После многих дней мучительных уточнений это было почти подарком.

— У меня один вопрос, — сказала я, когда он закрыл блокнот. — Вы нашли второй путь в комнату?

— Проверка конструкции показала, что запись камеры не охватывала все возможные пути в помещение, — сказал он. — Ваш вывод, будто после вас к Ракитину никто не мог попасть, не подтвердился.

Я вспомнила красный огонёк камеры. Как он мигнул мне вслед, когда я говорила с Павлом. Как долго потом этот огонёк представлялся последним свидетелем моей невиновности, хотя на самом деле не мог свидетельствовать обо всём.

— Значит, запись не ошибалась, — сказала я. — Мы неправильно представляли, что она способна показать.

— Примерно так, — ответил Платонов. — Не всякое отсутствие человека в кадре означает его отсутствие на месте.

Перед уходом я спросила ещё об одном:

— Денис разговаривал по телефону, когда я заходила. Собеседника установили?

— Да. Эти сведения проверены. Ваше описание разговора согласуется с установленным временем соединения. Пока это всё, что я могу сообщить.

На выходе я задержалась в коридоре. Не потому, что рассчитывала подслушать новости, — просто впервые за несколько недель не знала, куда торопиться. Потом вспомнила, что у меня через час встреча с заказчицей, и пошла к метро.

В коридоре мужчина в строительной куртке жаловался дежурному, что у него украли инструмент, а полиция должна немедленно «пробить всех соседей». Я прошла мимо и впервые за долгое время не захотела узнать, кто из них прав.

У тротуара водитель доставки перекладывал коробки: тяжёлые оказались сверху, и теперь ему приходилось заново собирать весь груз. Я вдруг улыбнулась. Порядок вещей снова имел значение только для тех, кто с ними работал.

Впереди у меня была встреча с заказчицей. Она собиралась освободить квартиру матери, но просила не выбрасывать ни одной фотографии. Обычное дело. Я даже обрадовалась, что оно ждёт меня сегодня.

* * *

Вечером следующего дня официально сообщили, что Григорию Серову предъявлено обвинение по делу об убийстве Дениса Ракитина. Окончательный вывод о его виновности мог сделать только суд.

Моей фамилии в сообщении не было. Оно писалось не ради женщины, которая случайно оказалась на записи камеры, а ради дела об убитом человеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.